

ПОЛЯКОВ А. И. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ПОЛЯКОВ Алексей Исаакович, родился в 1897 в деревне Бражниково Невельского района Великолукской губ. В 1918 — окончил среднюю агрономическую школу, работал участковым агрономом, с 1929 — вступил с матерью и сестрой в колхоз в родном селе; позднее работал начальником сектора учета Областного земельного управления в Смоленске. 28 апреля 1933 — арестован по групповому делу, 5 сентября приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Дальлаг¹. В сентябре 1937 — обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<21 сентября 1937>

«В Комиссию "Помощь полит<ическим> заключенным"
Е<катерине> Пешковой, г<ород> Москва, Кузнецкий, 24

з<аключенного> Полякова Алексея Исааковича, осужденного Коллегией ОГПУ 5-IX-1933 г<ода> по ст<атье> 58 п<ункты> 2, 7, 11 сроком на 10 лет, отбывающего срок в Средне-Бельском совхозе Дальлага НКВД — ст<анция> Средне Белая Амурской ж<елезной> д<ороги> Дальне-Восточного Края. Личное дело по Дальлагу № 97599.

Заявление

Приговор по своему делу я обжаловал несколько раз. Три заявления подал Прокурору Союза ССР — ответа не получил. Подал обжалование в Судебно-Надзорную Коллегию Верховного Суда — получил сообщение из Управления Дальлага, что это обжалование по адресу не послано, т<ак> к<ак> Верх<овный> суд дела осужденных органами НКВД не рассматривает. Недавно подал заявления в Комиссию советского Контроля и Коллегию НКВД.

Не могу допустить, что действия бывшего ОГПУ бесконтрольны, поэтому прошу Вашей помощи.

Сообщаю известное мне по делу.

Обжаловать постановление комиссии ОГПУ так, как можно обжаловать обычный, обоснованный судебный приговор, — я не могу.

Мне не дали ознакомиться с материалами обвинительного заключения. Из постановления об аресте я знаю, что меня обвиняют по пунктам 7 и 11 статьи 58-й. Из приговора узнал, что обвинен кроме того по пункту 2 статьи 58-й.

Мои следователи и речи не допускали о том, чтобы дать ознакомиться с делом или узнать конкретно, в чем я обвиняюсь. Как одолжение, показывали только по несколько строк разных "показаний" с тем, чтобы сбить с толку.

В результате по своему делу я ничего не знаю, кроме статьи и пунктов, не знаю, чем обоснован приговор и его десятилетний срок.

В этом — бесспорное основание для пересмотра приговора, — бесспорное и с формально-правовой стороны. С материалами обвинительного заключения нужно было во всяком случае ознакомить.

¹ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

Другое, также бесспорное основание для пересмотра приговора.

Меня допрашивали работники Западного областного П<олномочного> П<редставительства> ОГПУ — зам<еститель> нач<альника> Эко Инсаров и следователи — Говоров и Иванов. Допрашивали они так, что заставили меня дать ряд вынужденных показаний, в которых я написал сам, что с 1930 года по 1932 год состоял членом неизвестной к<онтр>-р<еволюционной> организации и выполнял в ней экономическую вредительскую работу, — т<о> е<сть> заставили признать себя виновным по п<унктам> 7 и 11 статьи 58-й.

Эти пункты и были записаны в постановлении об аресте, которые мне дал Говоров для подписи сразу после основного показания 28-IV-1933 года, спустя 23 дня после фактического ареста.

В последующем же, в приговоре, — появляется еще пункт 2-й статьи 58-й, — то есть обвинение в вооруженном восстании.

За весь срок следствия — от фактического ареста до объявления приговора, — вопрос о вооруженном восстании передо мной ни в какой форме не ставился. Этот вопрос совсем не выяснялся, мне ни одного вопроса не давали. Почему и откуда появился пункт 2-й — не понятно.

Во всяком случае, ясно, что вынести приговор даже без формального допроса, даже без ведома обвиняемого — нельзя.

Пункт 2-й статьи 58-й из обвинения должен быть исключен, с соответствующим сокращением срока.

Это бесспорно и с формально-правовой стороны. Расследовать, хотя бы формальным допросом, мою виновность по пункту 2-му было необходимо.

Но я не могу в своем заявлении ограничиться только формально-правовой частью дела. Привожу историю допросов с тем, чтобы показать, какова ценность вынужденных показаний, которые положены, по-видимому, в основу обвинения.

Вполне естественно задать вопрос, — как могло случиться, что человек, абсолютно непричастный к какой-либо контрреволюционной работе, собственной рукой написал, что он был членом к<онтр>-р<еволюционной> группы и вел в ней экономическую вредительскую работу?

Больше четырех лет прошло со дня ареста. И я каждый день думаю об этом.

И пришел к выводу, что если бы мне пришлось снова пережить то, что пережито во время допросов, — я назвал бы себя чем угодно, не только вредителем. Другого выхода не было.

Приемы моих следователей — это продуманная законченная система издевательств, насилий, шантажа, провокации, направленная к тому, чтобы довести человека до полной невменяемости.

Вот краткая история первых дней допросов: фактически арестован 5 апреля 1933 года. Юридический арест — 28 апреля, когда следователь Говоров дал постановление об аресте.

Как же прошли первые 23 дня, в течении которых я не считался даже арестованным?

Жил в кабинете следователей, только изредка помещали в комнате при комендатуре ОГПУ. Был абсолютно изолирован, никого не видал, кроме Инсарова, Говорова и дежурной охраны.

Тюремным пайком не пользовался. Кормили изредка Инсаров и Говоров во время своих завтраков. Шли непрерывные допросы. Состояли в одном и том же вопросе — о принадлежности к к<онтр>-р<еволюционной> организации, в угрозах, издевательствах. Продолжались почти сутками, заключаясь в непрерывном сидении в кабинете следователя или в

свободной комнате в присутствии охраны.

Во время допросов давали читать отрывки разных показаний (не знаю — настоящих или сфабрикованных), в которых упоминалась моя фамилия. Доказывали, что этими показаниями я уже "уличен" и буду расстрелян, как не сознающийся. В очных ставках, однако, отказывали.

Укажу на следующие факты, как примеры, характеризующие следственные приемы:

В первую ночь после ареста меня поместили на несколько часов в комнате, в которой оказался другой арестованный. Назвался он инженером Осташковского кож^{<евенного>} завода и вел со мной такую беседу: "Будут приставать с к^{<онтр>}р^{<эволюционной>} организацией. Надо что-нибудь выдумать и "сознаться". Иначе — замучат — были случаи самоубийств. Делается искусственное дело, — "сознавшихся" иногда высылают и даже оставляют на прежней работе". Я уверен, что этот "инженер" — не случайность, а метод Инсарова, который можно назвать только провокацией. "Совет инженера" показался мне глупым, — но впоследствии этот совет — сыграл свою провокационную роль — я тоже "сознался".

Другой факт. Примерно 25 апреля Говоров "по секрету" показывает мне оформленное постановление о выселении в суточный срок моей семьи из Смоленска. Рекомендует "сознаться", чтобы избежать этого. Оказалось впоследствии, что никто семью не выселял, на это права не было. Этот метод следователя Говорова можно назвать только шантажом.

И такие приемы, издевательства, грубости, голод, бессонница — непрерывно.

Что оставалось делать?

Требовал прокурора, другого следователя. Отвечали одинаково и Инсаров и Говоров: "Я — твой следователь, прокурор и защитник". Писал заявления прокурору, начальнику ЭКО — при мне рвались и бросались в корзину. Рвались также и правдивые показания, в которых я отрицал причастность к к^{<онтр>}р^{<эволюционной>} работе.

В то же время, при каждой моей "уступке", — смягчался режим. Так, 10 апреля, по требованию Инсарова я написал автобиографию, в конце которой говорил о своей неустойчивости, недовольстве Советской властью. За это мне Инсаров дал возможность спать, я проспал почти сутки на полу в комнате при ГПУ. Когда, выспавшись, отказался от автобиографии — возобновились прежние издевательства.

Примерно 15-16 апреля взамен обещания видеть семью, я написал "полупризнание" (не то, что требовалось), мне не разрешили свидания, но все же разрешили написать, где я нахожусь (о моем аресте никто не знал). На другой день отказался от написанного — возобновилось прежнее.

В результате — создалось убеждение, что я никого никогда не увижу, кроме Говорова и Инсарова. Прокурору — заявления не передают, другого следователя — нельзя. Дежурной охране — запрещено разговаривать. Создалось убеждение, что я во власти только Инсарова и Говорова. Так оно и было. Когда Говоров "по секрету" показал мне "постановление" о выселении семьи, я в ужасе закричал, чтобы криком позвать на помощь кого-либо из соседних комнат. На крик — никто не пришел, Говоров же грозил застрелить, якобы, в целях самозащиты. А застрелить он в той обстановке, конечно, мог и остался бы правым.

Что оставалось делать?

После такой подготовки решил вопрос следователь Говоров и такие его "доводы": "Я вас знаю лично, по работе, так как сам недавно работал в Обл^{<астном>} нар^{<одно>}-хоз^{<яйственном>} учете. Знаю вас, как советского человека и хочу помочь. Единственный для Вас выход — согласиться с имеющимися показаниями. Все, кто признает себя участниками к^{<онтр>}р^{<эволюционной>} организации, будут помилованы, как раскаявшиеся. Кто

не признает — неизбежно понесет наказание, за отсутствием оснований для помилования. Говорю все это под секретом. Советую согласиться, иначе неизбежен расстрел. Если не знаете, что писать — я помогу".

Такие провокационные "доводы" показались мне убедительными. В результате я и написал 28 апреля основное свое показание под диктовку Говорова и после его поправок переписал, сделав даже надпись — "дано добровольно".

Написал бы и о вооруженном восстании, но этого не требовалось. Написал, что был членом к<онтр>р<еволюционной> организации и вел в ней экономическое вредительство. Отказался только признать, что сам вербовал кого-либо в организацию.

Сразу после этого показания мне дали для подписи постановление об аресте с обвинением по п<унктам> 7 и 11 статьи 58-й и отправили в одиночку Дом<а> зак<люченных>, в обычные тюремные условия, на обычный тюремный паек, что мне показалось раем после ужасов первых дней допросов.

Посыпались льготы — разрешили свидание с женой, разрешили передачу. Это убеждало меня, что я поступил "правильно".

Однако, одумавшись, я пытался отказаться от вынужденных показаний, — но так же безрезультатно. После угроз и репрессий я подтвердил свои показания от 28 апреля и показал, что проводил экономическую вредительскую работу.

Подчеркиваю, что по поводу вооруженного восстания вопросов не было, и я ничего не писал.

Последний вызов к Говорову примерно 29-31 июля, когда меня заставили признать вредительскую работу по плану животноводства на пятилетку. Прошу просмотреть материалы плана и показания, чтобы убедиться, насколько надуманна и нелепа попытка назвать вредительской эту работу. То же и по другим "показаниям".

После 31 июля вызовов не было. Через охрану из одиночки написал несколько раз отказы от показаний и просьбы о вызове, — не знаю, имеются ли они в деле. Во внимание, во всяком случае, <они> не приняты.

Какова ценность этих вымученных показаний? А ведь только на таких показаниях основано обвинение. О фактических обвинительных материалах мне ничего не известно.

Что именно заставили меня написать в этих вымученных показаниях? Чтобы показать их нелепость, попытаюсь восстановить это по памяти, так как краткая запись, которую я вел в одиночке, отображена при обыске в камере.

Показаний вообще было много. Большинство из них разорвано при мне следователями. Так, показания от 7, 8, 9, 13, 14, 17-26, 29 апреля и 25-27 мая, 15 июля, в которых я отрицал свое участие в к<онтр>р<еволюционную> работе и организации или отказывался от ранее данных показаний, — почти все были разорваны. Они, конечно, должны были быть в деле.

Должны быть в деле также многочисленные заявления, которые я писал из одиночки в период 15-24 мая, 10 июня-14 июля и с 1 августа по 8 октября. В них я отказывался от данных показаний, просил нового следователя и новых допросов. Остались неразорванными немного "показаний": от 10, 15-16, 28 апреля, 10 мая, 4 июня и 29-31 июля.

Что в них было написано?

Основное показание заставил меня дать Говоров 28 апреля, после 23 дневной "обработки", после чего был оформлен и арест.

Это показание продиктовано и проверено Говоровым. Я к этому времени потерял всякую способность сопротивления. Пришел к выводу, что если писать все, что требуют, — легче будет показать потом нелепость

написанного.

В самом деле, — требовали написать, что существовала оформленная к<онтр>р<еволюционная> организация с центром, связями, ячейками.

Но в таком случае, — не могло не остаться какого-либо документа о существовании этой организации, — протокола, записки, списка членов, письма и т<ак> д<алее>. Но таких документов даже не искали, — у меня, например, даже обыска не было.

Ни одного документа или факта, указывающего на мою принадлежность к организации — в деле нет и не могло быть. Все основано на нелепых, бездоказательных оговорах, и все сочинил Говоров.

Заставив согласиться с тем, что я был членом к<онтр>-р<еволюционной> организации, Говоров пошел дальше по пути прямого шантажа. Его доводы — если признал себя членом организации — надо выдумать и какую-либо к<онтр>р<еволюционную> работу, именно "какую-нибудь", так и ставился вопрос.

Задача оказалась нелегкой. Дело в том, что членом организации, — как договорились с Говоровым, я "состоял" с конца 1930 или начала 1931 года до августа 1932 года. К этому периоду нужно было приурочить и к<онтр>р<еволюционную> работу. Но в это время положение мое в обл было очень неопределенным, самостоятельных работ я не выполнял, был фактически агрономом "для поручений", часто бывал в командировках.

Говоров предложил написать, что я во время командировок распространял вредительские установки. Но оказалось, что я был в таких районах, в которых по ходу "дела" и "следствия" — этого не требовалось.

Выдумать к<онтр>р<еволюционную> работу оказалось делом трудным. Сказать, что вредил "вообще" было мало. Помог Говоров рядом наводящих вопросов, которые мне поставил. Руководствуясь этими вопросами, я и выдумал "вредительство".

Вот оно:

План коллективизации по Зап<адной> области на 1931 год, — иначе директивные % коллективизации по районам. Составлял проект этих % Обл<астной> колхоз<ный> союз. Мне нечего было назвать вредительским — я и привязал себя к этой работе. В чем было вредительство — фактов не мог привести. Имел ли я в самом деле отношение к этой работе — не помню. Надуманность показания — очевидна.

Заключение по плану машиноснабжения на 1931 или на 1932 год. Составлялся план Сель<ско>хоз<яйственного> снабжения. Мое участие состояло в том, что я один день, случайно, вместо заболевшего агронома Левченкова, работал над планом вместе с представителем Сель<ско>-хоз<яственного> снабжения, фамилии которого не помню. Что я мог навредить? Ни раньше, ни в последующем, — вопросами машиноснабжения не занимался. Надуманность такого показания и бездоказательность вредительства — очевидна.

Контрольные цифры численности стада на 1932 год. Руководящим материалом для меня были директивные % роста стада, установленные Нарком<атом> зем<леделия> и Об<ластным> ком<итет>ом ВКП(б). Задача состояла в том, чтобы дать лимиты районам. Задача была трудной, так как не было доброкачественных исходных данных, нужна была перепись животноводства. Об этом было доложено зав<едующему> обл<астного> зооуп<равления>, члену Бюро обл<астного> ком<итет>а — Кондратьеву С.С. От него получил разрешение вызвать для проработки плана с мест Зав<едующего> рай<онного> зоо<тдела>. С ними и проработал и проработал удовлетворительно. По крайней мере, урон в животноводстве по Западной области был наименьшим в Союзе. Участие местных работников гарантировало план от ошибок. И все же я назвал работу вредительской, —

но в чем именно было вредительство, — показать не мог. Надуманность показания — очевидна.

План животноводства на 2<-ю> пятилетку по области. Заключалась работа в расчетах численности стада и выхода продукции, было первым вариантом пятилетнего плана. Это самая крупная работа, — руководил ею агроном обл<астного> плана Дорофеев, принимал участие я и ряд других работников. Назвал ее вредительской потому, что это была единственная работа, в которой действительно заметно мое участие. Доказывал это "вредительство" в показании 29-31 июля тем, что были взяты неверные нормативы, и еще, не помню чем. Но только эти "доказательства" и можно назвать вредительством. Работа была первым вариантом, как первый вариант утверждена Коллегией обл<астного> зооу<правления>, Президиумом обл<астного> плана, Нарком<атом> зем<леделия>, Госпланом.

В деле должна быть эта работа, — по крайней мере, мне давал Говоров один ее экземпляр с тем, чтобы я "обосновал вредительство". Нужно просмотреть работу и показания, чтобы видеть, насколько нелепо и надуманно показание. Других работ, которые называл вредительскими, — не помню. Кажется, больше ничего придумать не мог.

Особняком стоит показание на допросе 4 июня, которым руководил Иванов. Он неожиданно потребовал, чтобы я признал себя членом организации с 1926 года. Сделать это я отказался, отказался от всех своих показаний, но в конце допроса все же подтвердил свои показания, данные Говорову.

Еще раз подчеркиваю, — о вооруженном восстании мне никто вопросов не давал, и я ничего не писал.

Вот на таких "материалах" и "показаниях" основано обвинение. Фактически, конкретных обвинений я не знаю.

Продумывая всю историю допросов, я и сейчас, после 4 лет, прихожу к выводу, что другого выхода не было. Если бы я не был застрелен на допросе, — то должен был покончить самоубийством или сумасшествием. Примеры были: сошел с ума агроном Тимофеев, покончил самоубийством агроном Колобутин, которого допрашивал в числе других и следовательно Говоров.

Продумывая весь ход следствия, я прихожу к другому выводу.

Недопустимые следственные приемы Инсарова, Говорова, Иванова — нельзя объяснить только желанием выслужиться.

Эти приемы — сознательная, продуманная форма вредительства, рассчитанная на то, чтобы запутать в дело честных работников и тем скрыть действительную к<онтр>р<еволюционную> шайку, которая могла быть.

Пересмотр дела, таким образом, необходим и в общественных интересах.

Считаю, что из настоящего заявления ясно:

- 1). Что пункт 2-й статьи 58-й внесен в приговор только по ошибке.
- 2). Что мне не дали ознакомиться с обвинительным заключением.
- 3). Что приемы моих следователей были совершенно недопустимы.
- 4). Что данные моего показания — вымучены, ни одного слова правды в них нет. Дело по всем этим основаниям, необходимо пересмотреть и мой срок во всяком случае снизить.

Прошу Вашей помощи.

Я не знаю, какова "юридическая" ценность моего заявления.

Если оно не имеет такой ценности — прошу запросить от меня дополнительные материалы, справки учреждений, в которых я работал, справки из дела, — и со своим заключением направить туда, куда следует.

Ведь нельзя допустить, чтобы такое нелепое и возмутительное дело — осталось не пересмотренным. А если нет оснований для пересмотра —

сообщите мне об этом, чтобы я мог работать в лагерях вторую половину срока так, как работал раньше.

О принятых мерах и совет по существу заявления прошу сообщить по адресу:

Ст<анция> Средне Белая, Амурской ж<елезной> д<ороги> Дальне-Восточного края. Ср<едне> Бельский совхоз Дальлага НКВД, з<аключенному> Полякову Алексею Исааковичу.

з<аключенный> А. Поляков.

8 сент<ября> 1937 г<ода>

Прилагаю краткую автобиографию, данные которой, прошу принять во внимание при рассмотрении заявления.

з<аключенный> А. Поляков

8 сентября 1937 года»².

---

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1580. С. 23-28. Автограф.